

Глава 3. Садись, подвезу

После того как они закончили посадку и спустились с горы, Чэнь Цин был настолько измотан, что едва мог говорить. Он привалился к дверному косяку, тяжело переводя дыхание. За последние пять лет тётушка Сун помогла ему восстановить здоровье, так что сама по себе деревенская работа его не пугала. Но вчера он толком не отдыхал, а утренние подъёмы в гору с водой и обратно совершенно его вымотали.

— Завтра передохнём денёк и ходим в соседнюю деревню, — сказала тётушка Сун, потирая ноющие ноги.

Чэнь Цин кивнул.

— Хорошо.

Он поспешно приготовил еду. Поев вместе с тётушкой Сун, они разошлись по комнатам отдыхать.

Когда Чэнь Цин проснулся, тётушка уже подмела двор и кормила кур с утками. Увидев, что юноша проснулся, она помахала ему:

— А Цин, пойдём к плотнику.

Разумеется, к плотнику они шли за гробом. Когда-то Чэнь Цин продал себя в наёмники только для того, чтобы купить отцу хоть какой-то гроб.

По дороге тётушка Сун рассказывала о своих планах:

— Давай купим Таоцзы хороший гроб. В соседней деревне есть семья, которая славится тем, что устраивает поминальные банкетные столы. Мы наймём их помочь.

Она отлично знала все обряды, ведь много лет назад именно так хоронила своего мужа.

Чэнь Цин молча слушал. Вскоре они пришли к плотнику. Тётушка Сун объяснила, зачем пришли, однако плотник развёл руками:

— Нехорошее вы время выбрали. У меня было две готовые заготовки, но обе внезапно разобрали два соседних двора. Сейчас ничего не осталось. Если вам срочно, придётся подождать... ну, месяц. Не меньше.

Тётушка Сун остолбенела.

— Месяц?..

Плотник кивнул:

— Если торопитесь, можете съездить в уездный город. Но там, конечно, дороже выйдет.

Он попросил оставить адрес на случай, если у него внезапно получится.

Сделав всё, что можно, Чэнь Цин помог тётушке Сун дойти домой. Её глаза были покрасневшими.

— Хотела хоть в одном сделать для него всё как положено... Почему даже в этом столько

трудностей? — прошептала она.

Чэнь Цин не знал, что сказать, чтобы утешить её. Солнце стояло уже высоко. Яркий свет только усиливал гнетущую тяжесть в воздухе.

Вернувшись домой, они ни к чему не могли притронуться. Просто сидели во дворе, смотрели в небо и молчали.

— А Цин, — позвала тётушка Сун.

Он повернулся.

— Давай просто будем жить так, как можем, — тихо сказала она, опустив голову.

Так как за весь день они не сделали никакой работы, то вечером и не стали готовить еду. Тётушка не пошла сразу в свою комнату. Она зажгла масляную лампу и пришла к Чэнь Цину помогать перебирать одежду Мэн Тао.

Поднимая одну из рубаш, она сказала:

— Эту я ему сшила на день рождения. Тогда у меня зрение ещё было хорошее... шила быстро и ровно.

Чэнь Цин слегка улыбнулся:

— Стежки красивые. Намного лучше, чем у меня.

— А вот эту, — она взяла другую вещь, — перешила из старой одежды его отца. Мы тогда бедствовали, вот и перешивали, что было.

Они перебрали много одежды Мэн Тао. Некоторые вещи были почти новые. Хоронить всё тётушка Сун не собиралась, часть планировала перешить для Чэнь Цина. Семья у них бедная, поэтому никто не считал зазорным воспользоваться тем, что осталось.

Разобрав, что пойдёт в могилу, тётушка Сун вернулась к себе.

Горная деревня ночью вовсе не была тихой — тьму разрезали бесконечные стрекотные голоса насекомых. Перед сном тётушка изложила план на завтра: Чэнь Цин должен был сходить в уездный город и поискать готовые доски для гроба, а сама она отправится в соседнюю деревню, узнать у семьи усопших, когда те смогут заняться их похоронами.

Дорога от деревни Лохэ до уездного города была долгой, поэтому Чэнь Цин вышел ещё на рассвете. Тётушка Сун сунула ему в руки сухие лепёшки на дорогу.

Перед уходом он вскипятил для тётушки Сун горячей воды.

Хотя Чэнь Цин мог терпеть холод, тётушка была уже в возрасте — он хотел, чтобы ей как можно реже приходилось пользоваться холодной водой.

Чэнь Цин был маленьким и худощавым, но шагал быстро. К рассвету он уже дошёл до уездного городка. Лавки здесь ещё не открылись, поэтому он вынул несколько вышитых платков, которые собирался продать, чтобы заработать хоть немного мелких денег.

Эту работу ему нашёл Ли Син из деревни Лохэ. Ли Син был весёлым, бойким и ни капли не

стеснялся подобных дел. Он договорился за Чэнь Цина и сам выбил для него хорошую цену.

Чэнь Цин ждал у дверей тканевой лавки. Когда он увидел, что приказчик открывает замок, то не стал спешить внутрь. Хозяева лавок всегда надеялись, что первый покупатель принесёт им деньги, а не товар. Поэтому Чэнь Цин терпеливо подождал, пока оттуда не выйдет довольный клиент, и только тогда вошёл.

— Хозяин, я ещё несколько платков принёс, — сказал он и достал их из мешочка.

Улыбка на лице хозяина слегка померкла. Вышивка у Чэнь Цина была на редкость изящной — каждая птица, каждая травинка будто оживала под иглой. Но узоры всегда были одни и те же. Хозяин вздохнул:

— Шьёшь ты прекрасно, но рисунки всё одинаковые. Трудно продать.

Чэнь Цин слегка покраснел и тихо спросил:

— А какие узоры сейчас популярны?

— Ну что любят сейчас парни да девицы? Любовь! Чувства! Ты ведь человек женатый, разве не понимаешь? — хозяин с усмешкой покосился на него.

Чэнь Цин не знал, что ответить. Он пробормотал, что попробует придумать что-нибудь новое.

Тем не менее хозяин купил платки по прежней цене, и Чэнь Цин наконец выдохнул. Если бы цену снизили, он и не знал бы, как возразить.

В этот момент он особенно остро почувствовал, как ему не хватает Ли Сина, но тот уехал далеко вместе с матерью, к деду.

Получив в итоге сто монет, Чэнь Цин вышел из лавки. К тому времени мастерские по продаже гробов уже открылись. Но, к сожалению, его ждала та же история, что и в деревне: запасов дерева нет. Хозяин объяснил, что в соседнем уезде случилась большая беда — погибла вся семья, и они скупили почти всё. Остались только дорогие гробы из золотистого нанму, по тридцать лянов за штуку. Для Чэнь Цина это было совершенно неподъёмно.

Ему ничего не оставалось, кроме как вернуться домой и сообщить тётушке Сун плохие новости.

По дороге он встретил много деревенских. Он опускал голову, надеясь, что никто его не заметит. Ему совсем не удавались разговоры с людьми. Но кто-то с острым взглядом всё же окликнул:

— Чэнь Цин! Ты так рано вышел?

Юноша беспомощно кивнул:

— Дела были. Уже возвращаюсь.

Не дав собеседнику продолжить, он сразу же развернулся и пошёл быстрее, будто за ним гналось что-то.

Наконец он оставил людей позади. Стало чуть спокойнее, и он немного сбавил шаг. Но вскоре услышал позади скрип колёс. К нему приближалась воловья повозка. Тропа была узкой, поэтому он поспешил отойти к обочине.

Неожиданно повозка замедлилась почти до остановки. Чэнь Цин отступил ещё ближе к откосу.

— Домой идёшь? — спросил кто-то.

Чэнь Цин поднял глаза и тут же опустил их снова, встретившись взглядом с Чжоу Юанем. Он слегка кивнул.

— Садись, подвезу, — сказал Чжоу Юань.

Чэнь Цин быстро замотал головой:

— Нет, спасибо.

— Мне по пути, — нахмурился Чжоу Юань, глядя, как тот съёжился, словно пугливый зверёк.

Но Чэнь Цин только упорнее потряс головой:

— Нельзя... так будет неправильно.

Всё-таки он был женатым человеком. Пусть его муж и умер, но ехать в одной повозке с другим мужчиной... это неприлично. Он опустил голову и рукой показал Чжоу Юаню — мол, езжай.

Видя его решимость, Чжоу Юань наконец щёлкнул бичом и погнал повозку вперёд.

Чэнь Цин облегчённо выдохнул. Он замедлил шаг, решив, что пусть повозка отъедет подальше.

Но вскоре впереди он увидел остановленную у обочины воловью повозку.

...

Разница была лишь в одном — на повозке сидела тётушка Хуа.

Знаменитая сваха, устроившая десятки браков в уезде и окрестных деревнях. Она тянула Чжоу Юаня за рукав и улыбалась так широко, что казалось вот-вот лопнет по швам. Сам Чжоу Юань отвечал ей короткими фразами, лицо его оставалось бесстрастным.

Чэнь Цин нервно сглотнул и попытался проскочить мимо, но тётушка Хуа уже окликнула:

— Чэнь Цин! Так быстро вернулся?

Он кивнул и попытался ускользнуть, но она не дала ему этого сделать:

— У Сяо Чжоу повозка тоже в деревню едет. Сяо Чжоу, подвезёшь Чэнь Цина?

Чжоу Юань кивнул:

— Подвезу.

Чэнь Цин всё ещё упирался:

— Нет, правда, не нужно...

Голос Чжоу Юаня потяжелел:

— Тогда заплати один цянь.

Чэнь Цин снова облегчённо выдохнул и достал из вышитого мешочка монету. Обычно проезд на воловьей повозке от города до деревни стоил два цянтя, но он уже прошёл половину пути, поэтому один цянь казался вполне справедливым.

Он протянул монету, но когда Чжоу Юань собирался её взять, Чэнь Цин невольно чуть отклонил ладонь. В итоге расстояние между ними стало таким, что монета выскользнула из его пальцев и упала в ладонь Чжоу Юаня. Тёплый след, что оставила рука Чэнь Цина, исчез в одно мгновение.

Тётушка Хуа недовольно цокнула:

— Что с тобой такое? Нужно обязательно делать всё так неловко?

Чжоу Юань лишь покачал головой:

— Ничего. Я тут ещё мало кого знаю. Надеюсь, вы приглядите за мной в будущем.

Улыбка тётушки Хуа вернулась, хотя к Чэнь Цину она явно охладела.

А ему было всё равно. Он сел в повозку, старательно уменьшая своё присутствие. Как только они въехали в деревню, он тут же спрыгнул на землю.

— Я тогда пошёл. Мать меня ждёт... спасибо.

Чжоу Юань смотрел ему вслед, на то, как Чэнь Цин почти в панике удирал прочь. Его пальцы крепче сжали кнут.

Заметив недовольство, тётушка Хуа поспешила его загладить:

— Чэнь Цин всегда такой. Порой доводит людей. Не принимай близко к сердцу, Сяо Чжоу.

Чжоу Юань спокойно кивнул:

— Всё в порядке, тётушка.

Он отвёз её домой, а затем направился к старосте. В деревне выделили несколько участков на выбор, и он наконец остановился на одном.

Увидев, какой участок выбрал Чжоу Юань, староста нахмурился:

— Ты точно хочешь именно это место?

— В чём-то проблема?

Староста замялся:

— Место хорошее, но... соседи не очень.

Чжоу Юань поднял взгляд, требуя объяснений.

— Там живёт Сун Цуй со своим зятем, — сказал староста, опасаясь, что тот не поймёт намёка.

— Это та женщина, которая недавно так громко рыдала у входа в деревню.

— И что? — спокойно спросил Чжоу Юань.

Раз он не отступал, староста заговорил прямее:

— Говорят, Сун Цуй после свадьбы погубила свёкров. Муж умер не в старости, сын... и вовсе рано. А теперь вот зять — вдовец. Люди шепчут, что у них чёрная судьба. Боюсь, и на тебя беда перейдёт.

— Я не боюсь, — сказал Чжоу Юань. — Там тихо. А мне нужен покой.

Его взгляд стал холоднее.

— Послезавтра благоприятный день. Начну строительство.

Староста поспешно закивал:

— Конечно, конечно. Ты говорил, что обеспечишь едой. Сам готовить будешь?

Чжоу Юань покачал головой:

— Нет, я найму кого-нибудь.

Староста хлопнул себя по колену:

— Да зачем же искать? Моя жена прекрасно готовит! Если уж совсем приспичит, то наша семья поможет.

Чжоу Юань скользнул взглядом по почерневшим мискам на столе и спокойно сказал:

— Не думаю, что стоит ни на кого возлагать обязанностей. Пусть уж будет жеребьёвка. Так будет честнее.

Староста проводил его до двери. Перед самым уходом Чжоу Юань снова заговорил:

— То, что вы сказали о семье Сун, — несправедливо. Сын тётушки Сун погиб на войне, защищая страну. Вы назвали это проклятием, но я так не считаю. Поле боя — опасное место. Каждый солдат заслуживает уважения.

Он произнёс эти слова ровно и тихо, но староста почему-то почувствовал, как по спине у него пробежал холодок. Он поспешно закивал:

— Да, да, конечно, разумеется!

Чжоу Юань вышел.

Недалеко от дома старосты, спрятавшись за углом, стоял Чэнь Цин. Юноша услышал весь разговор от начала до конца.

В груди поднялось странное, ни с чем не сравнимое чувство, тёплое и пугающее одновременно, и он, ошеломлённый, не знал, как с ним быть.